

Труд, 1982, 6 июня

литература и искусство

Ю. Н. — Итак, Валерий Дмитриевич, мы собираемся говорить о положительном герое современной советской литературы. Понятие «положительный герой» общепринято, в том числе и широким читателем. Это героическая фигура, призванная своим примером воспитывать массы, поколение. Хотя, естественно, воспитывает не только положительный герой. К примеру, шолоховский Мелехов тоже воспитывает. Ведь, осуждая жестокость, мы учимся доброте, презирая предательство, стремимся к верности.

В. П. — А мне вспоминается герой Бориса Полевого. Я понимаю, Мелехов — героическая фигура, но ведь Мересьев — тоже героическая фигура. В Мересьеве запечатлены великие черты нашего характера, советского. Разве не правда?

Ю. Н. — Да, черты русского советского война. Но если писатели обращаются не к героическим моментам в истории государства — защите независимости, борьбе за его существование, а пытаются отражать время и людей мирного строительства, то здесь в литературе с положительными героями куда хуже. Положа руку на сердце, скажу: таких героев, истинно возмущающих на современного человека, формирующих его сознание, мало. Сейчас положительный герой — слабая сторона нашей литературы. Но ведь когда литература отражает не критические моменты в жизни страны, она и не стремится искать героев. Она анализирует время. Хочет помочь читателю различить в жизни не только розовые и черные краски, но увидеть ту жизнь, которую он сам создает, болеет ею, ищет в ней наилучшие пути. Мне как-то попала цитата из Блеза Паскаля: «Я равно порицаю и тех, кто взял себе за правило восхвалять человека, и тех, кто его поносит, и тех, кто смеется над ним. Я с теми, кто, стена, ищет истину». В этом сила литературы.

В. П. — В том числе и нашей, современной советской литературы. Юрий Маркович, вы затронули вопросы, которые очень мне близки. Не в школе, а уже будучи взрослым человеком, я понял: чистого, если так можно сказать, дистиллированного положительного героя просто не существует. В современной литературе герой, которого мы условно обозначаем этими словами, должен быть от жизни, а не от схемы. Иначе ему не будет верить. Слишком далеко он будет от обычных людей, слишком непохож на них.

Вот Анискин у Вилия Липатова. Хитроватый, необразованный мужик, доморощенно ведет следствие — и в то же время он необычайно привлекателен! А Настена в «Живи и помни» Распутина? А Лосев в «Картине» Гранина? Ведь в конце концов он «не справился сам с собой», оказался не у дел. Вспоминаю и ваш фильм (а перед этим повесть, хотя и не одноименную) «Председатель». Как Егор Трубников волевыми решениями — а такой путь он как далеко от идеального — внедрял то, что надо было внедрять.

Ю. Н. — Помните печально известный фильм «Кавалер золотой звезды»? Там герой был без единой щербинки, без единой ошибки или заблуждения. Потом, правда, появилась наивная тактика — давать герою выпить немножко коньяку... или пусть он курит! Но в остальном — по-прежнему идеален.

В. П. — Эта тактика и сейчас — увы! — существует, создавая иллюзию правдивого, неодозначного произведения со «сложным» героем.

Ю. Н. — А на самом деле герой бывает намного сложнее. Хотя в главном он — прекрасный человек. Особенно в экстремальных ситуациях. Но вот в обычной жизни... То пожелал жену ближнего, то перепил, то нахамил кому-то, то в работе злоупотребляет методом давления. И терзают его за то, что он груб, и он сам терзается, может быть, от этого.

В. П. — Вот во всем этом и надо разбираться. А не искать идеального героя!

Ю. Н. — Люди ведь могут раскрыть свой талант, ум, доброту и не став при этом героями. В нормальном течении жизни это и не нужно. Конечно, человек всегда будет делать что-то сверх своих сил. И в литературе это тоже всегда будет. Но нельзя требовать от жизни и от литературы, чтобы это было массовым явлением. Нельзя всем быть героями. Лучше сделать так, чтобы обычная наша с вами жизнь не нуждалась в героизме. Где-то кто-то напорочит, другой кидается грудью «на амбразуру» — и это считалось, да и сейчас еще считается, красноречивым проявлением советского характера. А надо бороться с теми, по чьей вине обычные трудовые будни окрашиваются в жертвенные, героические

тона. Нельзя постоянно жить на пределе, человек от этого смертельно устает.

Литература не должна воспевать те ситуации, в которых единственная, драгоценная человеческая жизнь кладется не на алтарь Отечества, а на затыкание дырок, проданных портачами.

В. П. — Я вот хотел бы что дописать, Юрий Маркович. В этих, скажем прямо, искусственных ситуациях действуют не положительные герои, о которых мы с вами решили говорить, а — идеальные. Да и не только в этих ситуациях. Слишком много в современной литературе персонажей без плоти.

Ю. Н. — Давайте тогда говорить не «положительный герой», а «хороший человек». Так вот, на них литература никогда не была так щедра, как сейчас. За последнее десятилетие их родилось больше, чем в классической советской литературе.

В. П. — Так давайте и мы в нашем разговоре уйдем от образцово-показательного героя. Сейчас — не его время. Нынешний герой — живой. Жизненный... Человек, в существование которого веришь.

Ю. Н. — Ему даже не подходят слова «положительный», «отрицательный». Правда ведь? Но все же такое понятие есть. В положительного героя литературы мы вкладываем

какую-то сумму качеств, которые определяют: с этого человека можно делать жизнь.

В. П. — Это вкладывают в понятие «положительный герой» критики, литературоведы, школьные учителя...

Ю. Н. — Но все они — читатели. И мы с вами — читатели. Мы все сейчас стали опытными, зрелыми. Мы все можем с полным правом судить, каков современный человек и как литература на него влияет. Наивно думать, что, прочтя какую-то книгу, человек со всем его многолетним опытом и душевной инерцией вдруг разом переменится. Книга может помочь разобраться в этой сложной жизни, дать заряд социального оптимизма, не дать впасть в отчаяние. Может возбудить работу мысли, помочь человеку погасить в себе что-то низкое.

В. П. — И вот тут «некрасивый» герой подчас сыграет большую воспитательную роль, чем «красивый». Тот, первый, больше похож на всех нас.

Ю. Н. — Вот именно. Всем хочется видеть в литературе отражение реальной жизни, реального человека. Себя самого.

В. П. — Практика показывает, что талантливые писатели именно к этому и стремятся. Безупречный герой существует теперь лишь в книгах, где истинный современный конфликт подменяется, скажем, технологической проблемой — как увеличить эффективность работы станка или яйценоскость кур (есть такой термин).

Необходимо говорить об этом возникла давно и, к сожалению, не исчезает. Серой литературной продукцией среди книг о производстве много. Поймите меня правильно: я не беру на себя роль судьи, обликающего с некоего пьедестала. Я на своей собственной шкуре — извините! — познал, как не надо писать. Я мог бы назвать и собственные произведения, к которым отношусь весьма критически. Когда я их писал, то так «влезал» в технические процессы, что порою забывал о человеке.

В моей последней повести герой не выдерживает испытаний, выпавших на его долю. В какой-то момент опускается, ломается. Так вот этот «заблудший» человек мне гораздо дороже, чем те супермены, которые были в ранних повестях. Хотя, должен сказать, и «супермены» не всегда придумываются писателем. Они существуют в жизни.

Ю. Н. — Валерий Дмитриевич, если вы под суперменом имеете в виду человека «прекрасного во всех отношениях», то я с вами не согласен. Да, такие люди существуют. Но это далеко не всегда хорошие люди. Видел я таких «супермистов» ребят. Они и в работе молодцы, и шашлык в лесу мастерски жарят, и на гитаре приятно побренчат, и разнообразными познаниями удивить могут, и старушку через дорогу переведут.

Обаятельные ребята. Но руку помощи протянут, только если им это нетрудно. А коли речь пойдет об их интересах, коли нужно занять намеченную высоту, — по чужим головам пройдут. Мне люди, у которых все хорошо и которые во всех отношениях приятны, — подозрительны. Я сталкивался не раз с подобными людьми — в самой сути своей они были холодными, бездушными карьеристами.

В. П. — Я бы назвал их «отрицательными суперменами», потому что я считаю — есть и «положительные». Как-то так получилось, мы стихийно выбрали несколько ироничное обозначение этого типа людей. А если без иронии? От жизни? Я часто бываю на Севере, и, по правде сказать, ради того, чтобы увидеться с ним, готов от всего отказаться и все бросить. Что я видел на Севере, в Сибири? Человек уходит на охоту, с трех пуль «снимает» трех оленей. Он же красиво относится к женщине. Он читает английские и французские журналы, потому что специалист высокого класса и должен быть в курсе всего, что касается его дела. И нет в нем того, скрытого поначалу слоя, о котором вы сейчас говорили и который действительно омерзитель. И все же для писателя — возьму на себя смелость сказать — для любого

писателя интереснее человек иного типа.

Работает на Севере один человек. Сварщик. Бригадир, но не из знаменитых, скорее неприметный. Любит свой Север, свое дело... Однажды с ним произошла такая штука. Он варил плет — огромный 36-метровый провод, который весит 12—14 тонн. Эта плет его придавила, перебила позвоночник. Он был навсегда списан с Севера, ему там даже запретили появляться, он должен был до конца жизни оставаться на юге, а свое дело сменить на сад и огород. Какое-то время он этим занимался. И еще красил наличники. Занятия благородные и полезные. Но для человека, который всю жизнь отдал иному, к чему душа стремилась, без чего не мыслил себя, — это стало трагедией. И что же? Этот человек спрятал подальше свое свидетельство об инвалидности и чуть ли не под чужой фамилией вернулся на Север. К прежней жизни. И сейчас он там. Вот у такого человека настоящий современный мужской характер.

Может быть, Юрий Маркович, этот сварщик гораздо более сверхчеловек, чем те люди, о которых мы говорили? А вернее, это настоящий человек, просто их не так уж много. Но я таких встречал не единожды. Покажите их в литературе (я обращаюсь к своим коллегам вообще!) — вот на них-то и можно равняться читателю!

Правда, я видел немало людей, которые приезжали на Север лишь зарабатывать деньги.

Ю. Н. — А знаете, я о чем подумал? Те, кто едет в тяжелых условиях Сибири зарабатывать деньги, — далеко не худший вариант. Худший — это когда предпочитают выкачивать деньги из родителей. Уж слишком много развелось молодых, ведущих паразитический образ жизни. Кстати, они в литературе редко показаны убедительно. Пока что мы очень вяло и робко протестуем против того, что нам мешает.

Часто на литературу возлагают критикой такие задачи: поднимать проблему, анализировать ее, вскрывать ее суть, давать рецепт, как ее разрешить. Но ведь это функции, которые должны выполнять общество, государство. Одна литература сделать этого не в состоянии, и нельзя ее за это упрекать. Писатель может, вправе и обязан мобилизовать общественное мнение, вызвать в самых широких кругах тревогу вокруг проблемы. Анализировать сдвиги в общественной жизни, новые взаимоотношения — вот в чем задача писателя. Тогда в книгах и будут появляться живые, правдивые образы, а не мажоры, не идола.

Ведь многие социальные беды возникают оттого, что проблемы решаются в расчете на какого-то схематического человека. А уж для литературы такой метод — и по-прежнему бедственный.

В. П. — Я хочу еще сказать о «профессиональных» и «общечеловеческих» черточках. Думаю, от этого зависят определения «люди шестидесятых годов» или «люди семидесятых».

Возьмем, к примеру, директора завода. Где у этого человека проходит граница между его человеческой и инженерной сутью? Предположим, он «жалует» людей, но в результате этого не выполняется план, случается авария. Или, наоборот, он не жалует людей, но делает то, что обязан делать. В какой-то период существовало, в общем, два таких типа руководителя. Уровень развития хозяйства не оставлял места для иных. И в литературе о производстве все нити сходились к показу этих двух типов.

Сейчас такой «дуализм» героев в литературе — пройденный этап, потому что он пройден и в жизни. Новый уровень развития техники, новые права руководителя и требования к нему начисто стерли альтернативу «либо деловой — либо человеческий».

В восьмидесятые годы уровень образования и свободы выбора достиг такой высоты, что можно окончить институт по одной специальности, работать по другой, защищать диссертацию по третьей, а нечто крупное, заметное совершить по четвертой. В шестидесятых годах такого не было.

Ю. Н. — Верно. А ныне сколько угодно!

В. П. — Но все же люди XIX века от людей XX века в главном не отличаются. На протяжении столетий мы одинаково воспринимаем обиду, радость, боль, озноб... И все же, чем характерно наше время? Человек может всю жизнь прожить и не встать на весы, которые бы измерили его честность и способность к дурному, трусость и храбрость. Жизнь человека на всей ее протяженности сейчас может просто не создать таких ситуаций. В бытовой обстановке человек может скрыть свой облик, преподнести окружающим тот портрет, который сам создал перед зеркалом. И только в экстремальной ситуации маска с лица спадает и проявляется то, что есть.

Я говорю об этом потому, что порой высказывается мнение: экстремальная ситуация в литературе — прием для облегчения обрисовки характеров. Нет, не прием! Писатель ищет людей, чья действительная жизнь ставит их в экстремальные ситуации, хотя есть, конечно, люди, которые за всю свою жизнь в них не попадают.

Ю. Н. — Почему? Сплошь и рядом попадают. Просто окружающие об этом могут и не узнать. Очень часто в жизни создаются ситуации, когда человек втайне совершает подлость. Для этого и бомбам не надо врать, и дому не надо гореть. Люди могут обнаружить крайности характера в ситуациях, которые только им самим кажутся экстремальными. Для одного человека, например, нет вопроса, как себя вести, а другой вдруг может оказаться либо героем, либо мерзавцем. «Экстремальная ситуация» — понятие подвижное, возникающее в любое, даже самое тихое время. Даже из-за чепухи какой-то человек может пойти на сделку с совестью. Вроде бы пустяк — и вдруг обнаруживается либо низость, либо величие. Так что «мягкий климат» — тоже испытание. Дайте только себе труд приглядеться, тем более, коли вы — писатель.

В. П. — Убедили.

Ю. Н. — Вот это и есть литература — рассматривать всевозможные ситуации одной модели. И вот тут то, что мы считаем типичным, подчас, оказывается, никакой реальной почвы не имело... Писатель должен писать, соотносясь со своей внутренней правдой, открытыми глазами глядеть на жизнь, по мере душевных сил в ней участвовать.

Живи среди своих героев, лишь о том, чем живешь! Вот принцип творчества. Оценивай людей, о которых пишешь, не с воображаемой высоты, не из каких-то далей. Будь сам в «каше жизни». Постигай и чистую любовь, и черную измену... И если ты сильно и глубоко переживаешь то, о чем пишешь, провала не будет, даже если увидел и написал не «самое главное». Из теоретических посылок произведения искусства создать нельзя.

В. П. — Мы же — вот ведь — сейчас как раз теоретизируем. А нас ждут чистые листы бумаги...

Ю. Н. — Да, мы оторвались от работы. И все же не могу сказать, что зря потерял время на эту беседу.

В. П. — Надеюсь к ней вернуться. Вы не против? Ведь время еще может внести коррективы в то, о чем мы сейчас говорили. Отстаивать от него нельзя.

Диалог записала
Е. БЕЛОСТОЦКАЯ